

Евгений СТРЕЛКОВ

Евгений Стрелков родился на Урале в 1963 году, окончил радиофизический факультет университета в Нижнем Новгороде. Художник, литератор, редактор альманаха «Дирижабль». Публикации в журналах, «Неприкосновенный запас», «Звезда», «Урал», «If» (Марсель), «Missives» (Париж), «Дружба народов», «Октябрь». Автор книги стихов «Молекулы» (2015); книга эссе «Фигуры разума» (2015), соавтор (вместе с Эдуардом Абубакировым и Вадимом Филипповым) книги краеведческих этюдов «Ниже Нижнего» (2014). Живёт в Нижнем Новгороде. В «Волге» публикуется с 2009 года.

Утро в Богучарове

Дало ли много знание языков,
Любезный Хомяков?
Или как брат Языков,
Ты безъязык, а в
молчаливости своей расчерчен,
как станциями паровозный путь.
Европа? Азия? Бредёшь куда-нибудь
Ночной аллеей зябнущего парка.
И парка
Ткань плетёт, и свищет филомела,
несмело
мысль сквозит
о старом и о новом,
и о том, что за волною
мысленных морей земля есть
и над той землею
сияет дивной красотой
разумной жизни эмпирей...

Но вот меж нощию и днём
На небе бледно-голубом
Смешеньем пламени и хлада,
Слиянием небес и ада,
Где сплетены лучи и тьма.
Заря, волшебная прохлада
Разгорячённого ума
Восходит.
На тебя нисходит
покой.

Как сладко быть в природе
в громах, вихрях и непогоде
пространство неба прорезать
мечту и радость осязать.
Там языков не нужно много
Единый для всего от Бога
Для всех явлений дан урок.
Стремясь к его припоминанью
Умом, дыханьем и гортанью

Трепещешь ты, как мотылёк.

И вот заря уже накрыла
Полмира...

Брюллов в Пулково
историческая фантазия

Плафоны в Пулково
– величественный вид!
В проёме купола
Стеклянный глаз блестит.
Система тросов управляет глазом.
Раз за разом
Обозревая небосвод.
Вот
Орион, вот Близнецы, вот Лира.
Над головой – полмира!

Здесь в Пулково прозрачна атмосфера
Почти Италия, любезная Брюллову.
Наш Карл, пожалуй, с лишним год
Штудировал небесную науку,
Пока любезный брат выводит свод.

И вот готово всё: цилиндры башен, колоннада
Лестницы, ступени, балюстрада,
лоджии, балкон, фронтоны.
На потолках Брюллова Карла фрески:
Сквозь эпициклы арабески
Летят воздушные фигуры.
На каждый румб – своя.
Полупрозрачна кисея
воздушной нимфы – ткань расправлена в полёте,
а небо! небо! – твой Буонаротти.
Его касание божественной десницы
Цитирует наш северный пиит,
А телескопов спицы
Пальпируют зенит.

И кажется, что в северной Пальмире,
Словно стекло чердачное промыли.
Сам царь зашёл. В трубу глядеть не стал.
Обсерватория ему – как пьедестал.
Ведь если Пётр прорубал
окно, то Николай достал
И выставил на подоконник лампу
И закурился мотыльковый звёздный рой
Весь над тобой.

Вертится кавалькада звезд

И меркнут в сумраке расписанные своды.
И астроном занял свой пост
И пелена спадает с прелестей природы...

Дагеротип Попова

Замечательный образец светописи:
Ширь проточной воды
Отмель, склон – в полуторе следы
жизни горней: купола, купы дерев, покой...
В кронах – птицы небесные (далеко слышны над Окой)
Выше – туча, отражённая как фотостеклом, рекой
Приближение грозы.

Наш герой
как раз по этому делу подкован
Уже год как запатентован
грозоотметчик, а теперь он сам
грозоотметчик, вот-вот по волосам, усам,
Потечёт вода, заземляя тучу
Впрочем, так даже лучше:
гроза,
зонт
над фототреногой,
а за:
– горизонт...

Наш герой одет в черное
– выходец из попов,
соответствует и фамилия:
Попов.
Семинария, флотилия
(Кронштадт, минные классы)
Но каждое лето с семьёй – на Оку
Дача, лодка... Как правило, на боку
фотокамера (любитель), по будням
ярмарочная электростанция (профессионал).

Но как знал!
Что будет кадр:
Амфитеатр неба во всей грозовой красе
Кулисы туч, солнца луч на кресте
блеснул, и спектакль вот-вот
Разразится первым действием
– сейчас полёт!

Гром и молнии!
Задрожит эфир
И депеши-молнии
электро-пунктир
наведёт мгновенно

в медном
проводе ток.
И как в театре: победно
зазвенит звонок.

РДС-Бездна

...С лицом переполненным думами. Он стоял <...> Он взглянул на людей...
А.И. Введенский

1.

...Где брошенные крестом,
Скрещённые под Его пятой
Разбитые, снятые с петель
створки врат
в Ад.
Нисхождение за душой
Адама, за душой Евы
(за нашими душами, в конце концов).

На полигоне в Семипалатинске
посреди перерытых пластов
земли, перекрытых плитами,
слоями брёвен, балками...
Там, в самом центре был ад,
Так говорят.
Те, кто видел.
После взрыва
Курчатов, Сахаров, Малышев, Ванников, Тамм
В открытом вибрисе рванули в самый центр – там
Был Ад, но не было створок, лежащих крестом,
Чтобы поставить ногу,
Чтоб оказаться в том
месте, где Адам, где Ева.
Остекленела
почва, выгорел водород
– оглянись кругом:
небольшой оборот
одного человека – переворот для человечества...

2.

Собор в Сарове разобран
осталась одна стена
под особым углом
можно увидеть на
штукатурке фигуры,
истончённые до полупрозрачности
до целлулоида
до коконов плащей
– фоторентген мощей.

Фигуры, пронизанные лучами
темнеющие бедрами, ребрами, ключицами и плечами
фалангами пальцев, позвонками, суставами
словно пропитанные составами
солей урана и радия.
и чего ради? «Я, –
писал Сахаров в воспоминаниях, написанных в ссылке в Горьком,
– был убеждён, что паритет необходим, как бы горько
не было осознавать нависшие угрозы...»

Деисусный чин, склонённые позы,
обращённые к центру, где теперь зияние
самега obscura.
Или познание,
пронзившее до костей,
истончив покровы.
Сотканное из пунктиров и полостей
равновесие пова.

3.

Так гигант Христофор, несущий Христа
изображался псоглавым. Так белая береста
расчерчена чёрными полосами.
Так и атомный свет
Зло ли? добро? ответ
не однозначен.
Лишь очерчен. Облучён.
Рентгенограмма, где световым лучом
пишется «мене текел фарес».
И период полураспада
этих слов меньше, чем надо,
чтобы задуматься.
Чтобы начать
действовать. Чтоб наложить печать.

4.

Там, в Семипалатинске
Сахаров осознал,
как положить створки
где отыскать портал...

Шаг за шагом, теряя
статус, друзей, респект.
В итоге навсегда покинув Объект,
Он нащупал зыбкую, как во сне,
опору вовне – ремешок на былинной суме:
потянешь в четверть силы
И ты уже в мать сырой земле
По колено. Потянешь сильнее – по пояс.

Потянешь в полную силу
(что обрёл в Сарове, там, где заряд
срывал электроны с орбит, формируя ряд
реакций, в самой основе: рентген-лучи;
не лежал на печи – грыз калачи
науки, и вот пришла пора...)
Итак, потянешь ещё сильнее – и мать-сыра
земля у горла. И это вход
туда в пустоту, где оторопело
застыла душа–Ева,
где Адама душа.
В конце концов, наши души
(ныне или потом).

5.

В Саровской пустыни на отшибе дом
Серафима – за сотню лет до того
как Сахаров появился тут, оттого
ему было легче? или нет?
Сам он уклончивый дал ответ:
«Третья идея пришла тогда нам, мне...»
Словно мелькнула тень в окне –
и тут же: вход в обретённый (хотел–не–хотел) ад.
Так говорят.

Может быть, милосердие – это тот шест,
Тот балансир, когда усердие над РДС-шесть
выковало невидимый стержень внутри

и дикари, а может не дикари
с плачем, похожим на шелест дубов
(дубами и вязами окружён Саров)
вышли... на немногочисленную землю

6.

держа на весу
дейтерий и литий
самую тяжесть су-
мы
и мы
все принимаем дамоклов дар.
А громовой удар
– это просто гроза.
Это – лето, июльский гром.
Пока.
Вот,
что
потом...